

МАША ТРАУБ

Великолепная Ви

Маша Трауб
Великолепная Ви
Серия «Проза Маши Трауб.
Жизнь как в зеркале»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74641941
ISBN 978-5-04-256435-2

Аннотация

Новый большой роман Маши Трауб.

Юля знает: некоторые мужчины возвращаются не для того, чтобы остаться. Серёжа появляется внезапно – с шутками, нежностью и обещаниями, в которые так легко поверить.

Но у нее есть и другая жизнь: муж Степан, сын Кирилл и Виолетта Никандровна – блистательная, резкая, независимая женщина, чья память постепенно начинает угасать. Юля заботится о ней, как умеет: терпеливо, с юмором и почти без права на собственную усталость.

Между привычной семейной жизнью и несбывшейся мечтой Юля пытается понять: что важнее – верность или честность перед собой? Можно ли любить человека всю жизнь и все-таки научиться его отпускать? И где заканчивается забота о других и начинается собственная жизнь?

Новая книга Маши Трауб – пронзительная история о любви, предательстве, памяти и семье. Здесь смешное соседствует с горьким, будничное становится важным, а за легкими диалогами скрываются чувства, о которых мы часто боимся сказать вслух.

Маша Трауб

Великолепная Ви

© Трауб М., текст 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

– Юлька, привет. Как дела?

– Привет, Сереж. Все хорошо. Ты у нас?

– Да, только что приехал. Есть что поесть? Я зайду?

– Конечно.

Сколько раз так было за эти годы? Не так уж и много, если посчитать. Ну, раз десять, наверное. Я пожалела, что не вела дневник или хоть какие-то записи. У меня всегда с датами было плохо, а вот Сережка помнил все отлично, вплоть до числа и дня недели. Значит, у него опять что-то случилось, раз он вернулся. Когда все было хорошо, он мог пропасть – на два года, три. А потом вот так объявиться, словно мы расстались вчера.

Я встала к плите, чтобы пожарить картошку. Сережа ее всегда любил. Он уже звонил в дверь.

– Это кто? – из комнаты вышел Кирилл, снимая наушники.

– Дядя Сережа, – ответила я.

– А, – Кирилл пожал плечами.

– Открой, пожалуйста, – попросила я. – У меня картошка горит. Ужинать будешь?

– Буду, – буркнул Кирилл.

На пороге появился Сережа.

– Привет! – поздоровался он с Кириллом и протянул руку для рукопожатия.

– Здравсте, – ответил тот, быстро пожал руку и надел на ушники.

– Кажется, я опять пролетел с подарком, – хохотнул Сережа, держа в руках коробку с точно такими же.

– Ага, – кивнул Кирилл и ушел в свою комнату.

Сережа зашел на кухню и обнял меня. Так обнимал только он – со спины, крепко. Мне всегда нравилось, когда он так делал – хотелось сразу же расслабиться, все отпустить, раствориться в его объятиях. Сережа вдруг разжал руки и цапнул со сковороды ломтик картошки.

– Это Кира? Когда он успел так вырасти? – спросил он, хохотнув. Забрал у меня вилку и стал есть прямо со сковороды.

– Сама не понимаю. Ему уже семнадцать, – ответила я, забирая у Сережи вилку.

– А сосиски есть? – спросил он.

– Сейчас будут, – я показала на лежащую на столе упаковку сосисок.

– Только ты знаешь, что я люблю, – улыбнулся Сережа.

Я подошла к холодильнику и достала банку зеленого горошка.

– Все, убила! – воскликнул Сережа. – Напомни, почему я на тебе не женился?

Он открыл банку и начал есть горошек прямо оттуда.

– Подожди две минуты, почти все готово, – улыбнулась я.

– Почему не сказала, что Кира так вырос? Я бы ему айфон новый купил! Или ударную установку. Или чем там он увлекается? – заявил Сережа, пытаясь руками вытащить из кастрюли сосиску.

– Не знала, когда ты появишься, – пожала плечами я.

– Я тоже не знал, – ответил Сережа, не справившись с ловлей сосиски.

Я разложила на тарелки наш ужин. Позвала сына. Тот сел за стол и начал молча есть.

– Как у вас тут вообще? – спросил Сережа.

– Тоска, – буркнул Кирилл.

– Это понятно, а что еще происходит?

– Ни-че-го, – ответил Кирилл.

Я виновато улыбнулась. Кирилл доел и ушел в свою комнату.

– Извини, кажется, он пока не вышел из подросткового возраста, – заметила я.

– Здоровенный какой вырос. И в кого он такой? Ты его чем кормила? Пестицидами и гормонами роста? – Сережа подошел к плите и положил себе еще сосисок. Он был таким,

каким я его помнила и любила, – бесконечно обаятельным, легким, веселым.

– Да, Степан тоже не был таким высоким. Может, кто-то из бабушек или дедушек? – пожала плечами я. Обычная материнская гордость – сын вырос высоким, спортивным, красивым. Точно не в меня и не в своего отца.

В свои семнадцать Кирилл выглядел взрослым. Да и вел себя как взрослый – самостоятельный парень, на удивление разумный. Я бы сказала, чересчур разумный и рассудительный. В этом он как раз был похож на своего отца – Степа тоже всегда считался спокойным, трезвомыслящим, от него никто не ждал никаких сюрпризов или выходок. В отличие от Сережи. Тот как раз здравомыслием никогда не отличался, а уж тем более в семнадцать лет. Если что-то происходило, можно было не искать виновного – это всегда был он. Пожар в школе, срыв контрольной, любое другое ЧП – все устраивал Сережа.

Однажды он умудрился протащить водку на школьную экскурсию и напоить всех одноклассников, а еще учительницу и экскурсовода. Как ему это удалось, он так и не признался. Я помнила только фляжку с непонятным содержимым и пластиковую двухлитровую бутылку, из которой Сережа все время подливал во фляжку, смешивая таким образом коктейль. Кажется, эта фляжка или бутылка были неистощимым источником. Еще я помню, что нам было ужасно весело – мы все время хохотали. Даже учительница с экскурсоводом.

Коктейль ему явно удался. Но дело было не в этом, а в том, что Сережа умел убеждать. Он обладал какой-то магией внушения, которая действовала абсолютно на всех.

После экскурсии мы вернулись в школу, где нас, абсолютно пьяных, при этом хохочущих, как ненормальные, встретила директриса. Мы ждали самой страшной кары, но происшествие замяли – все-таки сопровождающая нас молодая учительница химии еще долго страдала от похмелья, а экскурсовод, не сильно старше экскурсантов, и вовсе отравилась. Да и наш класс не мог сообщить ничего путного – все только твердили, что это была лучшая экскурсия в нашей жизни и она прошла просто отлично. Сережа умел пить, не пьянея. Или он только делал вид, что пил наравне со всеми? Он так и не признался. Даже мне, хотя я его об этом миллион раз спрашивала. Только смеялся и радовался, если очередная устроенная им заварушка удалась.

Я невольно улыбнулась. Так было всегда, когда я вспоминала нашу юность, последний класс школы. Самое счастливейшее время, как потом оказалось.

– Вот, я принес вино. Красное. Ты ведь все еще предпочитаешь красное? – Сережа достал бутылку.

– Да, спасибо, откроешь? – Я передала штопор и достала бокалы.

– А водка у тебя есть? – спросил Сережа.

– Есть. – Я достала початую бутылку, которую держала в качестве антисептика – на случай, если потребуется делать

уколы или компрессы.

Сережа налил мне вина, себе водки. Выпил сразу же, налил еще.

– У тебя что-то случилось? – уточнила я, хотя было件яно, что да, случилось. Иначе бы он не приехал. Да и не пил бы водку. Я впервые видела, чтобы Сережа пил одну стопку за другой.

– Да нет, все нормально, – пожал плечами он. – Приехал квартиру продавать. Вроде нашел нормального риелтора.

– Тебе нужны деньги? – удивилась я.

– Да нет, деньги есть. Просто хочу, чтобы все это закончилось. Чтобы уже не возвращаться, – ответил он и налил себе еще.

Я сделала глоток вина. Мне стало больно. Если Сережа продаст квартиру, ему и вправду незачем будет сюда возвращаться. Когда он приезжал? Когда что-то случалось. Как правило, у нас, у меня или у Виолетты Никандровны. Один раз, когда ему позвонил Кирилл, – я тогда сильно заболела. Потом – уже после смерти Виолетты Никандровны. Сережа всегда говорил, что у него все отлично, почти ничего о себе не рассказывал. Теперь он приехал продать квартиру. Значит, это конец истории, мы больше не увидимся.

Учитывая активность Сергея, квартиру он продаст быстро. Если ему что-то было нужно, он добивался своего в рекордные сроки. Квартиры в нашем городе не продавались годами, но я была уверена, что покупатели сами станут за

ним бегать, умоляя продать побыстрее. Да, он был из тех, кто умеет продавать воздух. Так про него всегда говорила Виолетта Никандровна. Она не считала это достоинством, особым навыком или даром, скорее наоборот, великим разочарованием. Но на этом умении Сережа построил свою карьеру, прилично зарабатывал, так что не мне было его судить.

Я сделала еще глоток вина. Наверное, все к лучшему. Сколько это еще могло продолжаться? И так тянулось долго, слишком долго. Двадцать лет. С большими, огромными перерывами, когда мы не виделись. А потом все происходило так же, как сейчас, – Сережа вдруг приезжал, обнимал меня, и будто не было всех этих лет. Будто мы расстались утром и просто продолжаем разговор уже вечером.

Я смотрела, как Сережа ест. Седины в волосах стало больше. Появились морщины. Он опять располнел. Но чему я удивляюсь? Мы не молодеем. Я невольно посмотрела в зеркало – давно стоило сходить в салон и закрасить отросшую седину. Я быстро собрала волосы в пучок.

– Спасибо, что помогла разобрать вещи, – сказал Сережа. – Оставь себе все, что захочешь.

– Уже, – ответила я, показывая на коробку, стоявшую в углу кухни. – Там старые газеты с материалами Виолетты Никандровны. Я хотела отнести их в местную библиотеку для будущих поколений. Пусть дети учатся, как надо писать идеальные репортажи.

– Или чтобы поняли, что они совершеннейшие бездарно-

сти, – заметил Сережа. – И лучше сразу бросить это неблагодарное дело.

– Или постараться научиться, – улыбнулась я.

– Ты всегда была ее любимицей, – Сережа изобразил ревность.

– А ты был ее сыном. И считалось, что тебе передался ее талант, – парировала я.

– Только этот талант так и не раскрылся, – пожал плечами Сережа. – Очень сложно соответствовать, все время прыгать выше своей головы, зная, что никогда не превзойдешь собственную мать.

– А мы все тебе завидовали, – напонила я.

– Ко мне она относилась как к ученику, причем очень заурядному, а к тебе – как к родной дочери.

– Я ее очень любила, – призналась я.

– Знаю, спасибо тебе за нее. И вообще за все. – Сережа меня обнял, но коротко. Как друга. Я это почувствовала и поняла, что все. Теперь уже окончательно все. Двадцать лет любви. И ни одного дня больше.

– Не за что. Мне нравилось проводить с ней время. Она меня всегда узнавала, стоило только зайти в квартиру. По шагам, по тому звуку, как я открываю дверь ключом. А Кирилл с тобой путала. Называла Сережей. А иногда считала, что Кирилл – наш с тобой сын, ее внук, и спрашивала, когда мы наконец поженимся, – улыбнулась я, вставая к раковине, чтобы помыть посуду.

Кажется, именно в тот момент я окончательно избавилась от наваждения, от своей любви, от всех этих лет. Только пока не понимала, как без этого жить.

– Прости, что я редко приезжал, – сказал Сережа, собирая со стола грязные тарелки.

– У тебя работа, семья, – пожала плечами я.

– Опять не сложилось, если что, – объявил Сережа.

– Мне жаль, – пожала плечами я. – Это уже какой твой брак по счету? Третий? Четвертый?

– А мне нет. Не стоило вообще жениться. Видимо, не го- жусь я для брака и семейной жизни, – хмыкнул Сережа.

– Виолетту Никандровну это всегда беспокоило. Она ждала внуков, – заметила я. – Она хотела, чтобы ты был счастлив в личной жизни.

– Да, и всегда твердила, что свое счастье упустил много лет назад. Что был бы счастлив только с тобой, – кивнул Сережа. – Нет, она говорила, что ты могла бы «составить мне счастье, согласившись на брак». – Он рассмеялся. Да, именно так и могла выразиться Виолетта Никандровна. «Составить счастье».

– Ну, теперь мы уже этого не узнаем. Слишком много времени прошло. Что ты собираешься делать с книгами? – спросила я, чтобы сменить тему. Мне все еще было больно. Я приняла, что наша история с Сережей закончилась, но не могла переключиться вот так, сразу. Все еще чувствовала его руки, когда он меня обнял. Меня может оправдать только

то, что все эти годы я его любила. И, откровенно признаться, ждала и на что-то надеялась. На что? На счастливую семейную жизнь. Я отчего-то внушила себе, что Сережа устанет от столицы и вернется домой, ко мне. И мы будем жить спокойно и счастливо. Вот такая идиотская мечта меня преследовала все эти двадцать лет. – Перевезешь книги в Москву? Только не сдавай их в букинистический отдел. Там есть издания, которыми Виолетта Никандровна очень дорожила. Иначе она тебя проклянет. – Я пыталась шутить.

– Нет, даже не думал. Мне пока некуда перевозить. Живу на съемной квартире. Надеялся, что ты у себя пока поддержишь. Если можно, конечно же, – ответил Сережа.

Я опять забыла, что у него не было собственного жилья в столице. Он переезжал из квартиры одной жены в квартиру к другой. А между браками или снимал, или жил в гостинице. Говорил, так проще.

– Вот возьму и однажды вернусь сюда. Может, на пенсии, – пошутил Сережа. – Организую школу юного журналиста и буду мучить детей. Пойду по стопам матери.

Тогда с чего вдруг он решил продать квартиру? Все-таки это был его родной дом, в котором он вырос, хоть и стремился из него побыстрее сбежать.

– Да, книги можно и сюда перевезти. Но ты точно решил продавать квартиру? – уточнила я.

– Ты с какой целью интересуешься? – рассмеялся Сережа. Я поняла, что большего от него не добьюсь. Если он не хотел

о чем-то говорить, было бесполезно его расспрашивать. Он всегда переводил все в шутку, уводил разговор в сторону.

Да, он прекрасно знал, что я часто ночую в квартире Виолетты Никандровны. Когда она стала совсем плоха, я туда переселилась. А после ее смерти разбирала вещи и бумаги. И мне было быстрее добираться до работы из ее квартиры, чем из своей. После тяжелых дежурств я шла к ней, чтобы отоспаться. Домой ехать не оставалось никаких сил. Иногда даже готовила на кухне Виолетты Никандровны, отвозила контейнеры с едой Кириллу и потом опять ехала на работу. Если честно, я не могла бы ответить на вопрос: какая квартира мне роднее – своя собственная, доставшаяся после смерти родителей, или квартира Виолетты Никандровны, где мне было спокойно и уютно. Кирилл давно привык, что я живу между двумя домами и больницей, так что принял все как есть. Он рос разумным парнем, я за него не беспокоилась. Наоборот, он чувствовал себя хозяином у нас, а я вроде как присматривала за квартирой Виолетты Никандровны.

– Ты лишишь меня крова, – улыбнулась я.

– Ты, вообще, как сама? – спросил Сережа.

– Нормально, работаю, – пожала плечами я.

– Деньги нужны?

– Нет, спасибо, нам хватает.

– Хорошо, – кивнул Сергей.

– Хочешь сходить к Степану? – спросила я. – И к маме?

– Да, конечно. Я тут неделю точно пробуду. Сходим.

Сергей ушел. Я мыла посуду и думала, что все могло сложиться не так. Или, наоборот, все сложилось именно так, как должно было. А еще я знала, что Сергей не пойдет на кладбище, если я не напомню, почти потребую это сделать. Ни к Степе, ни к маме. Даже после смерти Виолетты Никандровны не пришел к ней на могилу. Так и не смог себя заставить, спросил лишь, все ли там в порядке. Обещал прислать деньги на памятник, когда можно будет установить. Я кивнула. У Степы Сережа вообще не был, хотя много раз собирался. Но все будто не складывалось – то приходилось срочно уезжать по делам, то еще что-нибудь. Поначалу я не понимала, почему он так поступает, почему не сходит на могилу лучшего друга? Потом смирилась. Ну не хочет человек, не может, что поделаешь?

Только с годами поняла Сережу. Я ходила на кладбище и подолгу стояла перед могилой Виолетты Никандровны. Меня туда будто тянуло. Хотелось побыть там подольше. Нет, я с ней не разговаривала, не советовалась, просто отдыхала. Мне там было хорошо, спокойно. Именно в том месте, именно рядом с ее могилой. Я сажала цветы и радовалась, когда они приживались и зацветали.

А вот к Степе я ходила по необходимости, руководствуясь долгом, а не желанием. Кирилл бывал там чаще. Иногда сообщал, что убрал могилу отца, так что мне нет необходи-

мости туда идти. Единственное в городе кладбище было старым, могилы находились в разных его концах, хотя и не так уж далеко. Но эти триста метров мне давались с трудом. На могилу Степы я шла тяжелыми ногами, потому что должна, обязана. И была благодарна сыну, когда он брал на себя эту повинность – убрать, привести все в порядок. Не знаю, никогда не спрашивала, разговаривал ли Кирилл с отцом, делился ли чем-то, но понимала его желание. Иногда мы приезжали вместе – Кирилл шел на могилу к отцу, я – к Виолетте Никандровне. Потом встречались уже на выходе. Молчали, никогда ничего не обсуждали.

Наверное, всего этого – навестить могилы близких, принести или посадить цветы, вытереть пыль с плиты, проявить заботу по отношению к родным пусть уже и после их смерти – Сереже не требовалось. Как и его матери, кстати. Я как-то спросила ее, посещает ли она могилы родных.

– Нет, а зачем? – удивилась она. – Они умерли.

– Вам не хочется их навестить? – в свою очередь удивилась я.

– Дорогая, ты вроде умная современная женщина. Навещать прах? Чтобы что? – усмехнулась Виолетта Никандровна.

– Не знаю. Мне бы хотелось, чтобы обо мне помнили, когда я умру, – ответила я. – Чтобы нашлись близкие, которые не забудут о месте, где меня похоронят.

– О, поверь, тебе будет уже все равно, – категорично за-

явила Виолетта Никандровна. – А если хочешь оставить свой след в истории – это совершенно другое. Для этого редко достаточно просто умереть.

– Я буду к вам приходить. Даже если вам будет все равно, – пообещала я.

– Спасибо, конечно. Но я бы предпочла обойтись без посещений. Никогда не понимала этих ритуальных шествий – родительский день, еще какой-то день. Если человек с тобой, он и останется с тобой. При чем тут кладбище? Не самый лучший способ провести выходной день. Не хочу, чтобы Сережа был ко мне привязан после моей смерти.

Я тогда не обратила внимания на эти слова, но перед смертью Виолетта Никандровна мне о них напомнила.

– Детка, я хочу кремацию. Не позволяй меня выставять в гробу на всеобщее обозрение. Пусть будет закрытый гроб, самый простой, и пусть меня сожгут. Самый простой. И плита в колумбарии – самая простая.

– Вы еще не умираете! – воскликнула я.

– Нет, но ты должна выполнить последнюю волю. На это я имею полное право. Если ты позволишь меня зарыть и засыпать землей, я буду приходить к тебе с того света, – рассмеялась Виолетта Никандровна. – Не хочу, чтобы Сережа стоял над моей могилой, над этим холмиком. И тебя не хочу там видеть. Ниша в стене меня вполне устроит. И никаких оркестров и речей, умоляю. И уж точно никаких венков.

Иначе меня начнет тошнить прямо в гробу.

– Да, сделаю, как вы хотите, но за венки не отвечаю. Наверняка их будет много. Пришлют ваши бывшие ученики, – поспешила заверить ее я, но пожелание так и не исполнила.

Корила ли я себя за это? Нет. Я похоронила Виолетту Никандровну так, как она заслуживала. С почетом, достойно. Все же она была не самой обычной женщиной и заслуживала большего, чем скромная ниша и безлюдное прощание. Да и я была бы не против, если бы она приходила ко мне во сне. Я по ней очень скучала, так что хотела ее видеть хотя бы в своих снах. Но она не приходила, не снилась мне. Впрочем, одна ее просьба все же исполнилась – Сережа не стоял над могилой матери. Не провожал ее в последний путь. Этого я так и не смогла ему простить. Как и не смогла понять.

Когда Виолетта Никандровна умерла, меня все уговаривали на торжественные похороны. Как положено для такой известной личности. Я звонила Сереже, спросить, что мне делать, как поступить, он не отвечал на звонки. Не перезванивал. Кажется, я тогда оборвала его телефон, но решение пришлось принимать именно мне. Я сделала так, как хотела Виолетта Никандровна. Ну, почти. Никакого отпевания, свечей и оркестра. Гражданская панихида. Венков действительно было много, как и букетов. Гроб, как я и обещала Виолетте Никандровне, закрытый. И это было верным решением – мне хотелось, чтобы она осталась в памяти людей Великой Ви. Когда церемония закончилась, гроб вынесли из

зала и все направились к выходу, в зал внесли здоровенный венок с траурной лентой – «От любящего сына». Служащие быстро поняли, что венок прибыл с опозданием, ставить его уже некуда, так что развернулись и тоже пошли на выход. Я держалась всю церемонию, а на венке, который торжественно внесли, а потом быстро выносили, разрыдалась. Кирилл, стоявший рядом, пытался меня успокоить.

– Она этого не хотела, – повторяла я.

Кирилл вышел и как-то организовал все так, что этого пугающих размеров венка, пышущего розами, дорогого и при этом абсолютно стандартного и бездушного, я больше не видела. К счастью, Виолетта Никандровна этого тоже уже не видела. Иначе бы воскресла и отчитала меня по первое число.

На похороны матери Сережа не приехал – рейс отменили, на другой не было билетов или что-то вроде того. Вот и прислал венок. Думаю, попросил самый дорогой и не уточнил, что именно будет написано на траурной ленте, поэтому отправили типовой вариант. Наверное, только я почувствовала неловкость за такой венок. Остальные гости перешептывались – какой дорогой, какой большой, сразу видно, что сын любил маму и наверняка хорошо зарабатывает.

Почти – Сережа хорошо зарабатывал, мог позволить себе венок размером со шкаф, но маму не любил. Во всяком случае, не любил ее так же сильно, как я. Да, по-своему ею восхищался, всегда заботился, но любви в их отношениях не

было. Сережа будто решил, что мама навсегда останется для него Виолеттой Никандровной – руководителем школы юного журналиста, главным редактором местной газеты, непрекаемым авторитетом, начитанной, бесконечно умной женщиной с железным характером. Но не мамой. Только однажды он признался, что в детстве пытался завоевать ее любовь, но у него не получилось. Он все время не дотягивал до ее требований. И что всегда знал – Виолетта Никандровна учеников и свое дело любила больше единственного сына.

Не знаю, было ли так на самом деле. Но Сережа уже придумал себе историю, в которую поверил. Я не могла его переубедить и не собиралась. Это была не моя история. Так часто говорила Виолетта Никандровна: «Это не моя история». Речь могла идти о чем угодно – поступках других людей, которым не находилось разумное объяснение, предательствах, которых не ждешь, событиях, которые произошли из-за случайно оброненных слов. Виолетта Никандровна отвечала: «Это не моя история», когда не собиралась искать оправдания, не считала нужным объясняться.

Хотела бы я сказать то же про поступки Сережи, но не могла. Я считала его своей историей. Наверное, в этом и была проблема. Мне опять стало больно – Сережа сказал, что мы поедем на кладбище, но я точно знала, что он опять обманывает или меня, или себя. А мне так хотелось, чтобы он дошел до могилы матери и лучшего друга. Увидел, что все ухо-

жено, достойно. Вдруг бы Сережа нашел какие-то слова для Степана? Я верила, что и Степан, и Виолетта Никандровна нас чувствуют, слышат, даже если мы молчим. Конечно, я не говорила об этом Сереже, он бы ответил, что я опять перетрудилась, раз верю в связь с покойниками. Но я верила. Поэтому ходила на могилу Виолетты Никандровны. На могилы своих пациентов. Мне было важно дать им понять, что все еще о них помню, беспокоюсь. Но заставлять Сережу, давить на него я не хотела. Это было бы неправильно. Сам он был не готов или просто не возникало у него такой потребности.

Когда он последний раз приехал в наш город, мы договорились поехать на кладбище через день. На следующий у Сережи были назначены встречи с риелтором. Он забежал утром, сказал, что вынужден уехать раньше – работа. Обнял, поцеловал, выдал обалдевшему Кириллу коробку с айфоном последней модели, часы к нему и убежал. Я даже не успела спросить, что с риелтором, сколько у меня времени, чтобы перевезти книги и остальные вещи из квартиры Виолетты Никандровны. Когда я приехала на кладбище, там лежал огромный букет. Сережа заказал. Букет был слишком большим и слишком неуместным для нашего кладбища. Его пригнали сбоку, чтобы не упал, но в тот день был сильный ветер, так что букет валялся на земле. Ненужный, никчемный, не пойми кому принесенный.

Сережа опять сбежал. От меня, от мамы, от своей памяти. Я стояла перед могилой, смотрела на валявшийся под нога-

ми букет и вдруг расплакалась. Как тогда, на похоронах, когда принесли венок от Сережи. Мне стало нехорошо. В сумке нашла таблетку от давления, бутылку с водой. Выпила. В висках стучало. Пришлось сесть прямо на землю, чтобы не упасть. Я – профессиональная медсестра – вдруг испугалась. Нестерпимо начала болеть голова – в висках стучало молотом, в затылке разрывалась резкая боль. Я не могла дышать, не могла вдохнуть. Руки не поднимались, ноги стали не моими. Если честно, я решила, что у меня инсульт. Но нет. Просто боль, от которой немеет тело. Ощущение бесконечной темноты и конца. Так бывает, когда тело реагирует быстрее головы. Тело уже не двигается, а до мозга еще не дошло, что наступила смерть. Не физическая, а душевная, внутренняя. Когда из сердца ушла любовь и на ее месте образовалась здоровенная дыра.

Так описывали свои ощущения мои пациенты, которым удалили опухоль. Как будто у них на ее месте теперь дыра. Вот у меня была такая же дыра внутри. Даже не в сердце, а где-то в животе. Будто там находилось что-то живое, а потом оно исчезло.

Так было после рождения Кирилла, когда я с удивлением смотрела на свой сдувшийся живот, в котором уже не было никакой жизни. Только все болело после кесарева. И я ходила, скрючившись и придерживая живот рукой. Так было и сейчас. Пришлось лечь, чтобы унять невыносимую боль. Меня вырвало желчью. Я не могла дышать, не могла разо-

гнуться. Благо мимо проходила женщина – я ее узнала. Она была продавщицей в местном магазинчике цветов. Она ко мне кинулась, дала воды, еще таблетку. Сидела со мной, пока я не пришла в себя.

Я пока не понимала, как заполнить образовавшуюся дыру. А тело уже среагировало. Оно не подчинялось голове.

Сколько я так пролежала на земле, уже не помню. Потом заставила себя встать, заверила продавщицу, что со мной все хорошо и вызывать скорую не нужно. Когда она ушла, я начала вырывать цветы из букета Сережи и разносить их по всему кладбищу. Я вырывала две розы и несла их на чужую могилу. Потом возвращалась, вырывала еще две розы и несла на следующую. Разумнее и логичнее было вырвать сразу несколько, но мне было важно ходить, двигаться, почувствовать ноги, руки, тело целиком. Только одного не могла понять – неужели за столько лет Сережа не запомнил, что ни я, ни Виолетта Никандровна не любим розы?

За двадцать лет ничего не изменилось. Сережа так и остался тем юношей, который сбежал из нашего города. Тем мужчиной, который не нашел в себе сил прийти на могилу матери. И тогда я его отпустила. Все вдруг рухнуло в тот самый день. Для меня все закончилось. Наконец освободилась. Теперь я была сама по себе, а Сережа сам по себе. Наша, точнее, моя любовь наконец изжила себя. О чем я и сообщила Виолетте Никандровне, стоя перед ее могилой и выдергивая

цветы из букета от Сережи.

Я поехала на работу, потом в квартиру, которую Сережа собирался продать. Спала глубоко и спокойно. Смотрела на книги, на оставшиеся вещи – массивный деревянный стол на кухне, стулья с жесткими спинками, комнату Сережи, оставшуюся без изменений, – старый шкаф с расхлябанной дверцей, узкая кровать, на которой я всегда засыпала сразу же. И отчего-то точно знала, что Сережа не продаст эту квартиру. Точнее, ее никто не купит. Даже обаяния Сережи не хватит, чтобы продать то, что никому не нужно.

Помню, что, засыпая, улыбалась. Библиотека Виолетты Никандровны, ее шкафы останутся нетронутыми. А у меня останется отдушина, мое убежище – я смогу здесь жить, спать, сидеть в кресле, читать. Если Сереже когда-нибудь понадобится эта квартира, он найдет ее в отличном состоянии. Уж я об этом позабочусь. И это было последним обещанием, которое ему дала, пусть он об этом так и не узнал. А все обещания я держала, кроме одного – похоронила Виолетту Никандровну, а не кремировала.

Я обещала Сереже любить его всю свою жизнь, обещала ждать, сколько потребуется. Быть с ним, когда буду ему нужна. И все это исполнила. Обещала позаботиться о Виолетте Никандровне и сделала это. Теперь обещала лишь одно – сохранить дом, если Сережа вдруг захочет в него вернуться. Я больше не обещала его любить и ждать. Это осознание стало для меня огромным горем. Концом моей истории. Мое серд-

це больше никому не принадлежало. Только мне. Теперь в нем была огромная дыра, которую я ничем не могла заполнить. Дыра эта останется со мной до конца моих дней – это я знала точно. Невозможно сшить, залатать края раны, которая разъедала душу в течение двадцати лет. Слишком долго, слишком сильно. С этим остается лишь жить.

Сережа... Одноклассник. Это была моя первая настоящая любовь, первые настоящие отношения. Я думала, что выйду за него замуж сразу после окончания школы. Пока мои одноклассницы выбирали платье на выпускной, я выбирала свадебное. Тем более что у нас уже «все было». Сережа заверил, что теперь только одна дорога – в загс и что он об этом только мечтает. Но пришлось все хранить в тайне. Сереже уже исполнилось восемнадцать, а мне только семнадцать. Надо было дожидаться моего совершеннолетия.

Я его безумно любила. Сережа казался таким красивым, сильным, уверенным, что у меня заходило сердце, когда я его видела. Тем летом мы почти не расставались. Я не ходила – летала, забывая, как дышать. И ждала только своего дня рождения. В сентябре мне должно было исполниться восемнадцать, Сережа обещал, что мы подадим заявление в тот же день.

Но в августе он уехал. Оказалось, поступил в столичный вуз. Я знала, что он сдавал экзамены, но как будто не осознавала этого до конца – думала только о нашей скорой сва-

дьбе. Я тоже поступала в медицинский, но провалилась. Да и готовилась не к экзаменам, а к замужеству.

День, когда мне исполнилось восемнадцать, стал самым ужасным в моей жизни. Сережи рядом не было. Он уехал. Я осталась в городе. Одна. Без надежд, без перспектив, без будущего. Я была раздавлена. Мне казалось, что я умираю. Точнее, уже умерла. И жить мне больше незачем.

Спустя много лет, вспоминая то время, я не могу сказать, что была наивной дурочкой, что это была просто первая любовь, первое сильное чувство. Нет, единственная моя любовь, первая и последняя. И никаких других я не желала и не ждала. Точно знала, что хочу прожить с Сережей всю свою жизнь, что он станет моим единственным мужем. Только никак не могла понять, почему же он этого не чувствовал? Неужели такое возможно: ты любишь настолько сильно, что умираешь, а твоя любовь не откликается в другом человеке с той же силой? Я не могла в это поверить, не хотела.

Нет, Сережа меня любил, искренне, и был честен, когда говорил, что хочет на мне жениться. Тогда я решила, что с ним что-то случилось. Возможно, Виолетта Никандровна заставила его поступить в столичный вуз. Но я себя все время одергивала – да, Виолетта Никандровна могла посоветовать, но никогда не настаивала. Могла направить, но не давила. А на Сережу вообще никакие уговоры не действовали. Он всегда сам принимал решения, и переубедить его в чем-либо никому не удавалось. Он был упрямым, даже упертым.

Значит, уехать стало лишь его выбором. Но почему он меня бросил? Я ведь никогда ему не мешала, мы договорились друг друга во всем поддерживать. И, главное, почему ничего не сказал? У нас ведь не было секретов друг от друга – я так думала. Оказалось, были. Что еще не рассказал мне Сережа? О чем еще умолчал?

Я прокручивала эти мысли в голове и не находила ответов. То оправдывала Сережу, то винила. То считала, что он поступил правильно, ради нашего общего будущего, верила, что он вернется, когда встанет на ноги, отучится, найдет работу. То вдруг понимала, что Сережа думал только о себе. Я видела в его поступке и эгоизм, и расчет, и страх перед будущим. А моя любовь – или наша любовь? – стала лишь фоном, но не главным обстоятельством его жизни.

Тогда я просто лежала в кровати и думала, что больше с нее не встану. Но встать мне все же пришлось. Судьба будто решила, что я недостаточно горюю, или захотела показать, что такое настоящие страдания. В тот год, после окончания школы и отъезда Сережи, я потеряла обоих родителей. И если бы не Степан и Виолетта Никандровна, я бы точно не выжила.

С родителями я не была близка. Мама болела, сколько я себя помню, с моего раннего детства. Я понимала, что она скоро умрет. Мама ничего не знала про мою жизнь и не интересовалась ею. Она была погружена в болезнь. Так что мы просто ждали, когда это случится.

После смерти мамы отец потерял себя. В ней или в ее болезни была заключена и его жизнь. Так что я не удивилась, когда вскоре после маминых похорон у отца остановилось сердце.

Он не отпускал маму, даже когда видел, что она измучена болью. Не давал ей отдохнуть, когда она молила о покое. Он нашел себя в заботе о ней – читал, включал музыку, кормил, заставлял двигаться, делать гимнастику, массажи. Мама плакала – она ничего не хотела, ей было невыносимо больно. У нее болела голова от музыки, она просила выключить, но отец отказывался. Говорил, что музыка полезна. Мама не хотела слушать его чтение, ей хотелось тишины, но отец продолжал читать. Будто назло.

Мама не хотела массажа, упражнений, но отец заставлял, кричал, настаивал. Мама плакала и буквально молила о покое, но он не собирался сдаваться. Мама просила мороженое, сало с черным хлебом, то, что любила раньше, до болезни. Папа же упорно отваривал куриную грудку и гречку без масла и соли. Мама хотела шоколадку или конфету, что-нибудь сладкое, папа твердил, что нельзя, вредно. Он будто специально изводил ее очень правильной, очень полезной диетой, от которой мама только худела. Она мечтала о пирожном, просила меня купить. Но когда я приносила, папа отбирал и выбрасывал. Я не понимала, зачем он это делает, почему нельзя порадовать умирающего человека чем-то вкусным. Папа говорил, что я ничего не понимаю. Да, я не

понимала, почему нужно уходить из жизни в страданиях, в мучениях. Не понимала, отчего он так жесток, отчего мучает маму. Хотя со стороны казалось, что он о ней заботится, как никто другой бы не смог. В глазах окружающих он был настоящим героем.

Я же поняла одно – заботой и контролем можно замучить до смерти. Делать больно каждую минуту очередного дня. Не слышать, не видеть мучения, желания, чувства человека, прикрываясь тем, что делаешь благое дело. Возможно, именно тогда я решила, что мое призвание – помогать больным людям, оберегать их от такой заботы, давать то, что им действительно нужно, – тепло, внимание, любимые вещи, исполнять только их желания, а не родственников.

Позже меня часто спрашивали, как я так чувствую людей, понимаю их потребности? Я не могла ответить, что научилась этому у своих родителей. У болеющей раком и медленно уходящей мамы и отца, который не облегчил ее последние дни, а сделал так, чтобы мама умерла в страданиях. Только потому, что считал, что он делает все правильно, а мамины желания – неправильные.

Я училась слышать людей, чувствовать их. Как? Мама мерзла, просила принести теплый плед – папа открывал форточку, убежденный, что маме нужен свежий воздух. Полчаса в день обязательно. Вместо прогулки. Мама тряслась под одеялом, эта процедура превращалась для нее в нестерпимое мучение, даже издевательство. Я видела, что ей плохо,

она страдает. Папа же отвечал, что все делает так, как велели врачи. А врачи подтверждали, что он все делает правильно, просто идеально, лучшей заботы никто бы не обеспечил. Выходило, что папа был героем, а мама – капризной больной, не понимающей своего счастья. Когда он выходил из комнаты, я закрывала форточку, приносила теплую грелку и тайком подкладывала маме под одеяло. Мама улыбалась, ей становилось немного лучше. Потом папа врвался в комнату, отчитывал меня и выгонял. Мама снова страдала. А папа ходил довольный, улыбался.

Так же было, когда мама отказалась есть. Она хотела умереть голодной смертью, раз другая все никак не наступала. Папа приносил ей тарелку с кашей, мама отворачивалась к стене. Тогда папа насильно ее поворачивал и начинал кормить против ее воли. Мама плотно смыкала губы, как делают маленькие дети, когда им невкусно. Папа разжимал ей рот, засовывал ложку и требовал, чтобы она проглотила. Мама выплевывала еду. Тогда папа зажимал ей нос, чтобы мама не могла дышать, она невольно открывала рот. Папа засовывал ей ложку и закрывал рот, чтобы мама проглотила кашу. Однажды я это увидела. Это было страшно, отвратительно, омерзительно. Папа будто испытывал радость, мучая маму. Он не прекращал издевательства до тех пор, пока каша в тарелке не заканчивалась. Продолжал зажимать маме нос, открывать рот, просовывать ложку, зажимать рот снова и снова. Мама не могла кричать, она стонала, выла. Но я ничем

не могла ей помочь — когда заглянула в комнату, папа на меня рывкнул, чтобы я не мешала. Помню только умоляющие глаза мамы. И никогда не забуду этот взгляд.

Наверное, поэтому у меня получилось стать хорошей медсестрой. Я просто не хотела, чтобы люди уходили, как моя мама. Мне хотелось, чтобы в последние дни или недели им было не так тяжело. Если я смогу хоть кому-то облегчить последние минуты, сделаю это.

Все врачи удивлялись, что мама так долго протянула. И видели в этом исключительно заслугу отца. А я считала, что папа ускорил уход мамы. Ведь именно он уговорил ее не делать операцию, хотя мама хотела. Да, шанс успешного исхода был невелик, но он все же был. Папа же хотел, чтобы все осталось без изменений, чтобы мама принадлежала только ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.